

Д. П. Адамов

**ОБРАЗ СОЮЗНИКА: РОССИЯ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94(410)“1914/19”

ББК 63.3(4Вел)52

В статье изучается формирование и развитие образа России и русских в глазах британской общественности в годы Первой мировой войны. Эволюция восприятия союзника в Великобритании рассматривается на основе материалов публицистики и периодики, а также личных писем. Чтобы принять Россию как союзника в войне против Германии, британскому общественному мнению нужно было преодолеть устоявшиеся стереотипы России как варварского, отсталого государства под властью репрессивного режима и как главного соперника Великобритании. Британское правительство и благожелательно относящиеся к России публицисты предприняли попытку создать образ российского союзника. Однако созданный ими «положительный» образ на самом деле тоже оказался глубоко неоднозначным, и во многом перекликающимся со старым британским стереотипом «благородного дикаря». Русские наделялись как положительными чертами (личная храбрость, стойкость, честность), так и отрицательными (отсталость, наивность, импульсивность). Хотя подобное конструирование России могло на какое-то время создать веру в неё как в достойного и способного союзника, в конечном итоге оно оказалось слишком оптимистичным, что сделало Октябрьскую революцию и выход России из войны неожиданным и серьезным разочарованием для британской элиты и общественного мнения.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Великобритания, русско-британские отношения, имагология, образ России, пропаганда*

Июльский кризис 1914 г. и начало Первой мировой войны вывели проблемы, связанные с восприятием стран и народов, вовлеченных в разрастающийся европейский конфликт, на первый план в британском общественном сознании. В силу своего островного менталитета большая часть британского общества проявляла лишь спорадический интерес к странам континента. В то же время в британской культуре под влиянием различных исторических событий сложились определенные образы и стереотипы других народов. Можно сказать, что процесс формирования образов стран — союзников и врагов — на ранних этапах войны происходил на стыке политики и устоявшихся стереотипов. Образ России и русских в Великобритании в годы Первой мировой войны стал ярким примером диссонанса, возникшего при таком столкновении: старый соперник по «Большой Игре» вдруг выступил в роли одного из главных союзников в войне против Германии. Рассмотрим осмысление британской общественностью данного сдвига, а также

проанализируем механизмы создания положительного образа России в Великобритании в годы войны.

Следует заметить, что для Великобритании рубежа XIX–XX вв. был характерен большой вес в обществе образованного городского среднего класса, а также рост уровня грамотности и политической активности представителей низших классов. В это же время наблюдалось ускоренное развитие газетной индустрии, что привело к зарождению современных средств массовой информации, ориентированных на грамотные слои населения. В период Первой мировой войны отмечается пик влияния газет. За немногочисленными исключениями, британский парламент в годы войны соблюдал режим молчания; в результате политики фактически уступили свою роль в формировании общественного мнения редакторам крупных газет. Наиболее активным среди них оказался лорд Нортклифф, владелец изданий «Daily Mail» и «The Times». Как независимый предприниматель, не принадлежавший ни к одному из британских политических блоков и не стеснявшийся при этом диктовать правительству курс действий, Нортклифф стал своеобразным символом влияния

прессе.¹ Общественное мнение в Великобритании формировалось под влиянием газет, книг и памфлетов и в них же находило свое основное выражение. Так создавалась особая и в известной степени унифицированная сфера общественного мнения. Именно в этой сфере формировались и развивались образы союзников и врагов в годы войны.

Как и все принявшие участие в войне государства, Великобритания активно использовала пропаганду с целью направить общественное мнение в собственной стране и за рубежом в диктуемое политической и военной обстановкой русло. Однако пропаганда в Великобритании была продуктом деятельности не столько самого правительства, сколько той же общественности (инициатива в организации пропаганды приходила чаще не сверху, а снизу). Правительство же по большей части лишь координировало усилия газет, общественных организаций, ученых, писателей и публицистов, бравших на себя роль пропагандистов. Многие члены парламента наравне с видными общественными деятелями принимали участие в организации «работы с общественностью» в порядке личной инициативы.² Таким образом, британская пропаганда создавалась при тесном взаимодействии правительства и общественности и являлась органическим выражением внутреннего дискурса британского общества.

Личное восприятие британцами России в довоенное время зависело как от индивидуального опыта контактов с ее культурой, так и от политических пристрастий. Традиционно консерваторы относились к царскому режиму с большим пониманием, нежели либералы или социалисты. Тем не менее, говоря о британском обществе в целом, приходится констатировать, что восприятие России в Великобритании накануне войны было в лучшем случае неоднозначным. Хотя в среде британской культурной элиты к этому времени уже сложился устойчивый интерес к русской литературе, философии и мистицизму, для британского общества в целом Россия представляла собой прежде всего полудикую державу с сильным азиатским влиянием, тираническим правящим классом и поработанным варварским крестьянством. Объясняя причи-

ны отсталости России, ссылались на тяжелое наследие татаро-монгольского ига, а также на роль географического фактора: считалось, что широкие пространства Евразии, невообразимые для большинства англичан, подавляли индивидуальность и осложняли развитие общественной жизни, что делало неизбежным господство в России деспотизма.³ Сами русские, даже представители элиты, казались им дикарями или, в лучшем случае, наивными, импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще.

В дополнение к этим общим представлениям на отношение британской общественности к России влияли современные события. Так, на протяжении большей части XIX в. Россия воспринималась как соперник по «Большой Игре» за господство в Азии и как наиболее вероятный противник в случае войны. В начале XX в. ассоциация царского режима с антисемитизмом, с жестокими репрессиями против революционеров, с реакционной политикой и другими «нелиберальными» тенденциями лишь усилилась, что существенно осложнило проведение курса внешней политики либерального правительства Герберта Асквита, направленного на сближение с Россией и Францией.⁴

Июльский кризис и начало войны вынесли на поверхность все сложности, связанные с образом России как союзника в войне против Германии. Среди британской интеллигенции и образованных слоев в целом было множество германофилов, которые относились к будущей войне в союзе с Россией против Германии крайне отрицательно. Так, в письме в газету «Таймс», подписанном многими британскими профессорами и деятелями культуры, «война в интересах Сербии и России» была названа «грехом против цивилизации».⁵ Бернард Шоу в памфлете «Здравый смысл о войне» настаивал на том, что любая победа, недостижимая без помощи России, станет поражением для западной цивилизации, создав для нее гораздо более опасного противника, нежели Германия.⁶

³ См.: Sarolea C. *Great Russia: Her Achievement and Promise*. New York, 1916. P. 21–23, 56–57.

⁴ Ferguson N. *Op. cit.* P. 60–62.

⁵ Хмелевская Ю. Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии (1914–1918): дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. С. 81, 82.

⁶ Shaw G. B. *Common Sense about the War // The New York Times Current History. The European War. Vol. I*. New York, 1915. P. 57, 58.

¹ См.: Taylor A. J. P. *English History 1914–1945*. London, 1970. P. 55, 56; Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. Cambridge, 2008. P. 47; Ferguson N. *The Pity of War, 1914–1918*. London, 1999. P. 212.

² См.: Ferguson N. *Op. cit.* P. 226, 228; Gregory A. *Op. cit.* P. 69.

С точки зрения пацифистов и радикалов, создавших «Союз демократического контр-оля», сговор с деспотической Россией был одним из главных «преступлений» британской тайной дипломатии против демократических традиций. 3 августа 1914 г. председатель лейбористской партии Джеймс Рамсей Макдональд выступил с речью, в которой раскритиковал политику создания Антанты. В частности, он выразил опасения по поводу роста могущества России после победы над Германией.⁷ Еще более четко эта мысль была сформулирована в письме известного пацифиста Норманна Энджелла в редакцию газеты «London Times» по поводу июльского кризиса. Он утверждал, что Великобритания обязана воздержаться от участия в войне, потому что наиболее вероятным следствием победы Антанты будет создание огромной славянской федерации с сильными традициями авторитарного управления и военной агрессии.⁸

Даже сторонники участия Великобритании в войне часто недолюбливали своих славянских союзников и испытывали опасения по поводу их усиления. Союз с реакционной, авторитарной царской Россией весьма проблематично вписывался в общую концепцию борьбы за спасение либеральной западной цивилизации от «юнкерской реакции».⁹ В первые дни войны поэт Руперт Брук, поддерживавший войну с Германией, выразил опасения по поводу вероятности наихудшего сценария развития событий: Германия завоюет Францию, а после этого будет побеждена Россией, которая затем создаст «всемирную, деспотическую и безумную славянскую империю». Подобные настроения не были исключительным достоянием лишь британской элиты. Если судить по письмам в газеты, рядовые представители среднего класса также имели серьезные сомнения по поводу целесообразности союза с Россией. Так, некто А. Симпсон написал в газету «Yorkshire Post», что «Россия представляет собой господство грубой силы; ее господство в европейских делах будет поражением для всех идеалов человечества».¹⁰

Сторонники союза с Россией предпочитали делать акцент на практическую сторону дела. Знаменитый писатель-романист Джон Голсуорси, провозглашавший свою вечную преданность идеалам демократии, оправдывал союз с самодержавием тем, что лишь после полной победы над прусским милитаризмом демократия сможет распространиться и в России.¹¹ Иначе говоря, многие люди, которых тревожил вопрос о политическом режиме России, предпочитали отодвинуть его на задний план. В данном случае преувеличенные представления о могуществе России шли ей на пользу. Большие надежды связывались с образом русского «парового катка»: огромная русская армия, в представлении британского общества, должна была сокрушить немцев на Восточном фронте просто в силу своего численного преимущества.¹² В начале войны Герберт Уэллс вдохновенно писал о превосходстве русской конницы и утверждал, что у русских было больше всего шансов быстро прийти до Берлина.¹³ Не менее важную роль играла память о наполеоновском вторжении 1812 г., причем эту аналогию стали чаще приводить после начала отступления русских под ударами кайзеровской армии: считалось, что огромные пространства и холодный климат России должны были сделать ее земли могилой для немецких амбиций.

Тем не менее, моральная и идеологическая составляющие восприятия России как союзника оставались острой проблемой для многих британских публицистов. Среди тех, кто рассматривал союз с Россией как наименьшее зло, можно было встретить людей с самыми разными убеждениями, таких как Гильберт Кит Честертон и Герберт Генри Уэллс. Если последний был прогрессистом и технократом, то первый, несмотря на свою политическую принадлежность к либералам, скептически относился к прогрессу и современному миру. Несмотря на эту разницу в подходах, оба они, в сущности, имели сходные взгляды на русскую проблему, полагая, что варварство России было чем-то принципиально иным и менее тяжким, нежели «варварство Берлина»: если немецкое варварство представляло собой извращение идеалов современной ци-

⁷ См.: Ferguson N. Op. cit. P. 180.

⁸ См.: Angell N. On the Impending Crisis // The New York Times Current History. P. 107–109.

⁹ Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч. С. 88.

¹⁰ Ferguson N. Op. cit. P. 184, 185.

¹¹ См.: Galsworthy J. A «Credo» for Keeping Faith // The New York Times Current History. P. 103.

¹² См.: Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч. С. 89.

¹³ См.: Wells H. G. The Fourth of August — Europe at War // The New York Times Current History. P. 88, 89.

визации, то Россия до этих идеалов просто не доросла; более того, несмотря на отдельные «злоупотребления» царей, Российская империя базировалась на общечеловеческих ценностях, что делало ее достойным союзником в этой войне.¹⁴

Г. Уэллс писал в своей известной книге «Война, которая закончит все войны», что «либеральные опасения» о могуществе и злонамеренности России необоснованны. Он подчеркивал, что Россия, в отличие от Германии, является не монолитной державой, а многонациональной империей с европейской элитой. Кроме того, Россия была ослаблена войной с Японией, внутренними противоречиями и собственной отсталостью.¹⁵ Чтобы действительно вернуть себе статус великой державы, Россия, по мнению писателя, должна будет пройти курс модернизации, который, однако же, не приведет к такому подъему агрессивного национализма, как в Германии. Вместо этого Уэллс постулировал идею о зарождении в России «толерантной, либеральной демократии», которая не будет представлять никакой опасности для цивилизованного мира.¹⁶

Организованная кампания по формированию более привлекательного образа России в британском общественном мнении шла очень активно на протяжении 1914–1916 гг. Наряду с общественными организациями и издательствами, большую роль здесь сыграло возглавляемое Чарльзом Мастерманом правительственное Бюро пропаганды, выполнявшее функцию координатора кампании. В марте 1915 г. было создано «Общество друзей России», пользовавшееся поддержкой правительства и многих членов парламента. В апреле того же года был проведен первый День русского флага в Лондоне, в ходе которого прошли благотворительные мероприятия в пользу русского фронта и был прочтен курс публичных лекций с целью ознакомить широкие круги населения с историей и культурой союзников.

К пропагандистской кампании привлекались виднейшие британские эксперты по России. Наиболее известным из них был Дональд Макензи Уоллес, посетивший Россию в 70-х гг. XIX в. и опубликовавший еще тогда

получившую большой успех двухтомную работу. Теперь он написал серию статей, изданных в виде брошюры под названием «Наш русский союзник». Признавая многовековое варварство России, он указывал на ее огромный прогресс, начиная с правления Александра II,¹⁷ и очень положительно отзывался о Николае II. Характерным штрихом для такой «облагораживающей» пропаганды времен Первой мировой войны, подчеркивающей сходство между союзниками, стало суждение Уоллеса о присущей царю «английской любви к компромиссу».¹⁸

К пропагандистской кампании присоединился и профессор Бернард Пэйрс, назначенный официальным наблюдателем при российской армии в начале войны. В 1915 г. он опубликовал книгу «День за днем с русской армией», в которой с большим одобрением отзывался о русских солдатах, защищая их от обвинений в пьянстве и недисциплинированности. В то же время он подчеркивал необходимость оказания России материальной и технической поддержки.¹⁹

Еще одним пропагандистом положительного образа России в Англии стал Чарльз Сароли. Его перу принадлежали такие книги, как «Долг Европы России» и «Великая Россия, ее достижения и обещания». Признавая недостатки российской политической системы, он был склонен с оптимизмом относиться к возможности дальнейших реформ.²⁰ Говоря о самом русском народе, он описывал переносимые им тяготы, подчеркивал глубокую духовность русских, противопоставляя их, таким образом, нигилистам-немцам. Сароли рисовал идиллический образ русской деревни как традиционной сельскохозяйственной коммуны.²¹ Главным же недостатком русских, по его мнению, была несдержанность и неспособность к самоограничению, ставшая основным препятствием для политических реформ.²²

Глубокая религиозность русских вообще была одним из наиболее распространенных сюжетов в британском дискурсе о России. При этом если «суеверие русских *moćjiks*» традиционно рассматривалось как один из их

¹⁷ См.: Wallace D. M. *Our Russian Ally* // *The New York Times Current History*. P. 841–846.

¹⁸ *Ibid.* P. 848.

¹⁹ См.: Pares B. *Day by Day with the Russian Army, 1914–1915*. London, 1915. P. XI, 70, 71.

²⁰ См.: Sarolea C. *Op. cit.* P. 35, 36.

²¹ *Ibid.* P. 53–56, 62–65.

²² *Ibid.* P. 73.

¹⁴ См.: Chesterton G. K. *The Barbarism of Berlin*. London, 1914. P. 78, 79.

¹⁵ Wells H. G. *The war that will end war*. London, 1914. P. 43.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 63–67.

недостатков,²³ то в контексте Первой мировой войны с русской религиозностью связывались значительные надежды: религиозный дух русских должен был стать источником моральной стойкости, которая позволила бы им перенести все тяготы войны.²⁴

Бернард Пэйрс не был единственным британским военным корреспондентом при русской армии. В самом начале войны произошел обмен военными репортерами, ставший частью кампании по установлению связей между союзниками. Один из британских репортеров Скотланд Лидделл подчеркивал стоицизм, храбрость и терпеливость русских солдат.²⁵ У него вызывало умиление их мило-сердечное поведение по отношению к пленным. В то же время он отмечал, что их «детская» зависимость от офицеров была явным недостатком на поле боя.²⁶

Также довольно подробный отзыв о русских солдатах оставил Гамильтон Файф — корреспондент газеты «Daily Mirror». Он описывал русских как типичных «благородных дикарей» — честных, гостеприимных, суровых и суеверных. Файф объяснял сочетание кротости и жестокости в поведении русских солдат тем, что они были в некоторых отношениях просто «большими детьми». Однако Файф подмечал и изменения, происшедшие с русскими крестьянами за годы войны: «... когда [русский солдат] вернется в родную деревню, он будет другим человеком». По сути дела, война заставила их «повзреть» — расширила их горизонты и научила мыслить критически.²⁷

1915 год оказался пиком прорусской кампании в Великобритании. К 1916 г. для большей части британской общественности более насущными проблемами стали затяжной характер войны и мобилизация домашнего фронта. Значимость российского фактора в войне несколько снизилась, хотя брусиловский прорыв был встречен с ликованием.

Февральская революция 1917 г. приветствовалась оптимистами среди британских деятелей, следящих за развитием событий в России. Сам премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж выразил надежду на то, что революционный подъем в России будет иметь сходный с Великой Французской революцией эффект, вдохновляя народ на поддержку военных действий.²⁸ Многие либералы вздохнули с облегчением, узнав о падении царского режима. Газета «Daily News» ликовала: «Тьма рассеялась!.. Россия повернулась лицом к свету. Теперь остался только один трон, где все еще восседает древний идол. Гогенцоллернизм остался один во всем мире, как напоминание об отжившей вере».²⁹

Вскоре, однако, стало ясно, что надежды союзников были необоснованными: революция лишь ускорила процесс распада вооруженных сил и государственного порядка в России. После Октябрьской революции и Брест-Литовского договора Россия стала ассоциироваться с пораженческими и революционными настроениями. Сама Октябрьская революция расколола британскую общественность: если правый истеблишмент был настроен категорически против большевиков, то в левых кругах революция была воспринята с некоторой симпатией.³⁰ В то же время сам Брест-Литовский договор стал своеобразным символом жестокосердия и беспощадности немцев.³¹ Так появился образ России-жертвы, который после войны был заменен образом России как средоточия революционных сил. Последним отголоском симпатии части правых кругов к императорской России стала их поддержка белогвардейского движения и неприятие советского правительства, но этот момент вскоре утратил свою политическую актуальность. Новый образ России формировался уже в кардинально изменившейся политической обстановке и в ответ на иные запросы общества.

Daniil P. Adamov

Postgraduate, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: von_das@yahoo.co.uk

²³ Ibid. P. 63.

²⁴ См.: Fyfe H. Russia, the Unexplainable // The War Illustrated. 1919. 8 Febr. № 234.

²⁵ См.: Liddell R. S. On the Russian Front. London, 1916. P. 1–3.

²⁶ Ibid. P. 25–29.

²⁷ Fyfe H. The Russian Soldier As I Know Him // The War Illustrated. 1917. 22 Sept. № 162.

²⁸ См.: Suttie A. Rewriting the First World War: Lloyd George, Politics and Strategy, 1914–1918. New York, 2005. P. 187.

²⁹ Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч. С. 178.

³⁰ См.: Taylor A. J. P. Op. cit. P. 192, 193.

³¹ См.: Terraine J. To Win a War: 1918, the Year of Victory. London, 1978. P. 27, 28.

THE IMAGE OF THE ALLY: RUSSIA THROUGH THE EYES
OF THE BRITISH PUBLIC DURING WORLD WAR I

The article studies the image of Russia and the Russians as it had formed and developed in the eyes of the British public during World War I. The evolution of the ally's perception in Great Britain is examined on the basis of newspaper publications, public writing and personal correspondence. In order to accept Russia as an ally in the war with Germany, British public opinion needed to overcome the enduring stereotypes of Russia as a barbarous, backwards state ruled by a repressive regime, and as the main rival of Great Britain. The British government and the pro-Russian authors had endeavored to build the image of Russia as an ally. However the "positive" image they created turned out in fact to be also rather ambivalent and in many ways similar to the old British stereotype of a "noble savage". The Russians were endowed with both positive traits (personal courage, endurance, and honesty) and negative ones (backwardness, naivety, rashness). Although this shaping of the image of Russia had in the short-term succeeded in helping to create faith in Russia as a worthy and capable ally, it had ultimately turned out to be overly optimistic, making the October revolution and Russia's exit from the war a sudden and serious disappointment for the British political elite and public opinion.

Key words: *World War I, Great Britain, Russian-British relations, imagology, image of Russia, propaganda*

REFERENCES

- Ferguson N. *The Pity of War, 1914–1918*. London: Penguin Books, 1999, 624 p. (in English).
- Fyfe H. *The War Illustrated*, 1919, 8 February, № 234. (in English).
- Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 354 p. (in English).
- Khmelevskaya Yu. Yu. *Velikaya voyna: angliyskiy natsionalnyy kharakter i sotsialno-psikhologicheskiy opyt britanskoy armii (1914–1918)* (The Great War: the English national character and social and psychological experience of the British Army (1914–1918)). *Dissertatsiya na soiskanie nauchnoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (Thesis for the scientific degree of candidate of historical sciences). Perm: Permskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000, 257 p. (in Russ.).
- Suttie A. *Rewriting the First World War: Lloyd George, Politics and Strategy, 1914–1918*. New York: Palgrave Macmillan, 2005, 282 p. (in English).
- Taylor A. J. P. *English History 1914–1945*. London: Pelican, 1970, 871 p. (in English).
- Terraine J. *To Win a War: 1918, the Year of Victory*. London: Cassell Military Paperbacks, 1978, 284 p. (in English).